

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавашаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зѣ давнѣго зшитку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейне. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, издашый А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевилъ «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрѣками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «нецужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшую отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библиографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святы небесни силы!
 Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
 Чи пахучи повивання зъ неба
 Ты несешъ, чи бури чадни зъ некла,
 Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
 Твоя постать такъ прывабно-дывна,
 Що зъ тобою говорыты мушу.—
 Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
 И корóлю найяснишый данськый!
 Озовыся до менé, благаю!
 О, не дай въ слипóти погыбаты! и т. д.

Казалось бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета ¹⁾, который читается по рус-

1) „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовецъ печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?

Ось въ чимъ ричь. Бо щó йе благороднишь,—

Чи прыйматы и каминця й стрилы

Одъ лыхой-нависной доли,

Чи повстаты на те море тугы

Й тымъ повстаннямъ покинуть все разомъ?

Вмерты—сномъ заснуты й бильшьничого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже отгѣйки то рѣчей возвышенныхъ, то пѣжныхъ, то витѣватыхъ, сообразно подлиннику, отгѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полного признанія. Въмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя»¹⁾ и «Українськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

1) Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.